

он обещал, что и «народ не предпримет против крепости ничего враждебного». Делегаты Комитета были очень хорошо приняты комендантом, который даже оставил их у себя на завтрак, протянувши таким образом дело почти до 12 часов. Де Лонэ, по всей вероятности, старался выиграть время в ожидании определенных распоряжений из Версаля; но они не приходили, потому что еще утром были перехвачены народом. Как всякий военный начальник, де Лонэ, очевидно, предвидел, что ему трудно будет сопротивляться парижскому народу, толпами высыпавшему на улицу, и он старался затянуть дело переговорами. Пока он приказал отодвинуть назад пушки на четыре фута, а чтобы народ не видел их извне, он велел забрать амбразуры досками.

Около 12 часов округ Сен-Луи-ла-Кюльтюр прислал со своей стороны двух депутатов к коменданту, и один из них, адвокат Тюрио де ла Розьер, получил от коменданта маркиза де Лонэ форменное обещание не стрелять, если на него не будут нападать. Затем около часу и около трех часов к коменданту были посланы еще две депутации от Постоянного комитета, но они не были приняты. Обе они просили коменданта передать крепость в руки буржуазной милиции, которая будет охранять ее вместе с солдатами и швейцарцами, составлявшими гарнизон Бастилии.

К счастью, все эти сделки были сведены на ничто народом, который отлично понимал, что ему нужно во что бы то ни стало овладеть Бастилией. После того как толпе удалось добыть ружья и пушки в Доме инвалидов, дух народа стал подниматься все выше и выше. Толпа наводнила прилежащие к Бастилии улицы и дворы, окружавшие крепость. Скоро между народом и инвалидами, стоявшими на крепостной стене, завязалась перестрелка. Пока Постоянный комитет пытался охладить пыл нападающих и собирался объявить на площади Грэвы, что де Лонэ обещал не стрелять, если на него не будут нападать, толпа с криками: «*Мы хотим Бастилию! Спустить мосты!*» - двигалась к крепости. Говорят, что, увидавши с высоты стен, что улица предместья Сент-Антуан и соседние с ней черны от двигающегося к Бастилии народа, комендант, поднявшийся на стену вместе с адвокатом Тюрио, чуть не упал в обморок. Он, по-видимому, даже готов был сейчас же сдать крепость милиции Комитета; но этому воспротивились швейцарцы¹.

Вскоре первые подъемные мосты той внешней части Бастилии, которая называлась передовой (L'avancee), были спущены, как это всегда бывает в таких случаях, благодаря смелости горсти людей. Восемь или десять человек, среди которых был бакалейный лавочник Паннетье, человек высокого роста и сильный, воспользовались тем, что к внешней стене Передовой части крепости был пристроен какой-то дом. При помощи этого дома они взобрались на стену; затем, подвигаясь по стене верхом, они добрались до кордегардии, стоявшей около маленького подъемного моста Передовой части, а оттуда прыгнули в первый двор собственно Бастилии - Губернаторский двор, в котором помещался дом коменданта. Двор этот оказался пустым, так как после ухода Тюрио инвалиды вместе с де Лонэ удалились во внутрь крепости. Попавши на Губернаторский двор, эти восемь или девять человек спустили прежде всего маленький подъемный мост Передовой части, выломали его ворота топорами, и затем спустили и большой мост. Тогда больше трехсот человек ворвались в Губернаторский двор и побежали к двум другим подъемным мостам, малому и большому, служившим для перехода через широкий главный ров в самую крепость. Оба моста были, однако, уже подняты изнутри защитниками крепости.

Здесь произошло то, что сразу довело ярость парижского народа до высшей точки и позднее стоило жизни де Лонэ. Когда толпа наводнила Губернаторский двор, защитники Бастилии стали стрелять по ней; была даже сделана кем-то попытка поднять большой подъемный мост Передовой части, чтобы помешать толпе уйти из Губернаторского двора и взять ее в плен или уничтожить². Таким образом, в тот самый момент, когда Тюрио и Корни объявили народу на площади Грэвы, что комендант обещал не стрелять, солдаты с высоты крепостной стены обстреливали Губернаторский двор ружейными залпами, а пушки Бастилии обстреливали ядрами соседние улицы.

После всех переговоров, происходивших утром, этот огонь, открытый по толпе, естественно был понят как измена со стороны де Лонэ, и народ стал обвинять его в том, что он сам спустил первых два

¹ Так по крайней мере говорит письмо швейцарца Де Гю (De Hue) к его братьям, приведенное в немецком подлиннике у Фламмермона (La Journée du 14 juillet 1789, p. CXCVIII, note).

² Теперь есть историки, старающиеся доказать, что эта попытка была сделана не по приказанию де Лонэ, а по собственной инициативе нескольких инвалидов, которые выходили за провизией и теперь возвращались в крепость. Мне кажется, что такой образ действий совершенно невероятен со стороны трех или четырех солдат, затерянных в громадной толпе. Кроме того, зачем было запираť толпу во дворе, если не имелось в виду сделать из нее заложников против народа или перебить ее?